

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 749-757
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.749

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Memoirs of A.N. Benois in the Context of Search for National Identity by the Intelligentsia of the Silver Age

Tatiana V. Gryaznukhina ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a,*}, Denis N. Gergilev ^a, Anna P. Dvoretzskaya ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article analyzes the reflection of the ideological and aesthetic struggle and socio-cultural life of Russia at the turn of the XIX-XX centuries in the memoirs of A.N. Benois. The scope of traditional studies of memoirs of the Silver Age figures as sources of cultural achievements of the period has been expanded. The factors that influenced the development of Benois's worldview, his political beliefs, and played a significant role in determining his public stance in relation to certain phenomena of public life has been considered. First, such factors include the patriarchal way of life of the family distinguished by rich cultural traditions, the years of study at Karl May's School where he met his future friends in creative activity, meetings at lectures with Professor N. Korkunov, acquaintance with masterpieces of Russian art.

The evolution of the national identity of A. Benois developed from partial neglect through acquaintance with great creative achievements to admiration and glorification of Russian culture, in particular through the organization of the Ballets Russes in Paris. The analysis of the artist's creative activity makes it possible to identify his aesthetic views that predetermined his relationship with the aristocracy of talent and art patrons. The comparative study of Benois's memoirs with the works of professional historians and memoirists shows their objectivity and the author's proper understanding of the socio-political situation in the country.

Keywords: A.N. Benois, national identity, Silver Age, art, memories, creative intelligentsia.

1. Введение

Осмыслить и наиболее полно понять определенную историческую эпоху, кроме научных трудов, могут помочь воспоминания и мемуары. Воспоминания дают возможность автору, обращающемуся к прошлому, переосмыслить свой накопленный опыт, а читателю в свою очередь – соотнести свое понимание этого прошлого с предложенными автором версиями. Мемуарная литература предлагает не только анализ прошлого, но и дает возможность осмыслить настоящее и, исходя из пережитого опыта, сделать предположения относительно будущего.

Массовое обращение интеллигенции России к мемуарному жанру на рубеже XIX–XX вв. было связано как с осознанием собственной индивидуальности, так и с попыткой разобраться в сложностях исторического процесса, происходившего в стране. По мнению Д. Мережковского, современное ему искусство «находится в таком трудном и ответственном положении относительно будущего русской культуры, как, может быть, ни одно из поколений со времен Петра Великого» (Мережковский, 1900: 1). Поиск смысла бытия и истины, вера в то, что искусство способно преобразить мир, были характерны для интеллигенции. «Мечты о новой «органической эпохе» возникли на почве нового искусства. Человечество изверилось в познании мира при помощи науки и ищет ключи в искусстве» (Тастевен, 1907: 111). Художественная интеллигенция России своим

* Corresponding author

E-mail addresses: tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), advoreckaya@mail.ru (A.P. Dvoretzskaya)

творчеством отстаивала право на определение дальнейших путей развития страны. В. Иванов утверждал, что «лучшие таланты России проявили себя преимущественно в деятельности художественной и – как художники – должны были быть освободителями, ставить вопросы раньше толпы, а подчас давать готовые ответы на еще не поставленные в общественном сознании вопросы» (Иванов, 1905: 50). Д. Философову основная миссия искусства виделась в отражении в нем русской духовности. В этом заключалась необходимость того, «чтобы выразить в образах свое русское отношение к Тайне, свое понимание Тайны» (Философов, 1901: 218). Под тайной он понимал воплощение национально-религиозного идеала.

Среди всей мемуарной литературы рассматриваемого периода воспоминания А.Н. Бенуа достойны особого внимания. Благодаря своему огромному авторитету и колоссальной по значимости творческой деятельности, А. Бенуа оказывал влияние на развитие эстетических вкусов целого поколения, определяя во многом пути дальнейшего развития искусства. Он писал о себе: «Я и художественный критик, я и журналист, я и «просто живописец», я и историк искусства, ...я был редактором двух весьма значительных художественных журналов, я был... чем-то вроде «содиректора» Московского Художественного театра, я был и полновластным постановщиком в Большом Драматическом театре в Петербурге, я был управляющим одним из самых значительных музеев мира – петербургским Эрмитажем» (Бенуа, 1993а: 174). И это еще далеко не весь перечень того, чем занимался Бенуа, вся деятельность которого, по его же определению, проходила под знаком служения Аполлону. Рассматривая свой труд в качестве памятника культурной эпохе, в которой он жил и творцом которой он себя осознавал, автор дал «читателю клятвенное обещание»: «по мере сил быть честно правдивым» «и по возможности точным» (Бенуа, 1993а: 183). Беря во внимание это заявление автора, исследователь в определенной степени может рассчитывать на объективный анализ явлений и событий, описываемых в первоисточнике. В научной литературе воспоминания Бенуа рассматриваются преимущественно в контексте его культурной деятельности. В связи с этим появляется необходимость расширить представление о Бенуа как личности исторической, показав его гражданскую позицию в отношении происходивших в стране процессов, проанализировав его взгляды на явления общественной жизни, не всегда напрямую связанных с вопросами культуры.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования являются воспоминания А.Н. Бенуа и его современников, документы Российского государственного архива литературы и искусства (Москва, Российская Федерация), Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация), Государственного архива Томской области (Томск, Российская Федерация).

В методологическую основу работы положены общенаучные методы, а также специальные исторические методы исследования. Историко-генетический метод представил возможность определить закономерности социально-культурной жизни России рубежа XIX–XX вв. С помощью проблемно-хронологического – были рассмотрены события и процессы эпохи Серебряного века в их последовательности и закономерностях. Идеографический метод позволил исследовать воспоминания А.Н. Бенуа, социокультурные аспекты его личности через призму исторических событий. Историко-генетический – дал возможность выявить детерминанты эволюции национальной идентичности автора мемуаров.

3. Обсуждение

В основе исследования данной темы в качестве первоисточника использованы, прежде всего, воспоминания самого Александра Бенуа (Бенуа, 1993а, 1993б). Понять настроения, царившие в среде интеллигенции рубежа веков, помогает обзор журналов того времени, в которых печатали свои статьи Мережковский (Мережковский, 1900), Философов (Философов, 1901), Тастевин (Тастевин, 1907), Иванов (Иванов, 1905). Воспоминания Нестерова (Нестеров, 1986), Шаляпина (Шаляпин, 1991), Степняка-Кравчинского (Степняк-Кравчинский, 1987), Милокова (Милоков, 1990) существенным образом дополняют сложившееся представление о культурной, общественно-политической обстановке в стране. О меценатах, принимавших активное участие в культурной жизни страны, рассказывает книга Е.М. Лопухиной «Самые знаменитые меценаты России» (Лопухина, 2003). Роли С. Мамонтова в развитии русского искусства посвящена монография М.И. Копшицера (Копшицер, 1972). С эстетическими воззрениями Бенуа знакомит его труд «История русской живописи в XIX веке» (Бенуа, 1998). Фундаментальным трудом по истории русской культуры являются очерки и исследования Г.Ю. Стернина (Стернин, 1984). Всесторонне охватывается развитие всех видов искусства в их взаимосвязи в коллективном труде «Русская художественная культура конца XIX – начала XX века» (РХК, 1980). Противоречивый характер культуры эпохи Серебряного века, связанный с поисками новых смыслов и идеалов, нашел свое отражение в коллективном труде «Время Дягилева. Универсалии серебряного века» (Время Дягилева, 1993). Разобраться в общественно-политической ситуации в стране, влиявшей на мировоззрение творческой интеллигенции, в том числе и А. Бенуа, помогают труды русских и зарубежных историков Корнилова (Корнилов, 2004), Ж. Соколоффа (Соколофф, 2008), Д. Хоскинга (Хоскинг, 2003). О неослабевающем

интересе к культуре рубежа веков свидетельствуют статьи Ж. Луцик (Луцик, 2012), А. Гальковой (Галькова, 2020), Н. Мельник (Мельник, 2021), опубликованные в последнее время в научных журналах. Отдавая должное роли, которую сыграли в культуре рубежа веков Мережковские, иностранные ученые посвятили их деятельности ряд своих исследований, которые опубликованы в сборнике «Зинаида Николаевна Гишпиус. Новые материалы. Исследования» (Гишпиус. Исследования, 2002). Вопросы взаимодействия интеллигенции Сибири и России, ее роли в идейных исканиях в России XIX века рассмотрены в ряде публикаций авторов данной статьи (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015; Gryaznukhina et al., 2017; Gryaznukhin et al., 2020; Gryaznukhina et al., 2021).

Пожалуй, ни одна культурно-историческая эпоха не вызывала такого большого интереса, как эпоха рубежа веков. Новые открытия, сделанные в ходе исследований, порождают новые вопросы. И поэтому несомненно, что противоречивая и сложная эпоха Серебряного века нуждается в дальнейшем исследовании и изучении.

4. Результаты

Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) прожил долгую и плодотворную жизнь. Расцвет его творческой деятельности выпал на эпоху, которую в истории русской культуры принято называть Серебряным веком. Свои воспоминания автор начал писать в парижской эмиграции в 1934 г. и продолжал трудиться над ними до конца жизни, придавая им исключительно важное значение. В России они были изданы только в 1990 г., что связано, скорее всего, с неприятием Бенуа советской властью и его эмиграцией из СССР в 1926 г.

Семья Бенуа ни по происхождению, ни по культуре не была типично русской. Стремясь определить свою культурную идентичность, автор воспоминаний анализирует свое отношение к России в целом, которая является для него «чем-то огромно-необъятным». Вся же любовь его была отдана Петербургу, который он считал своим городом и описанию которого посвящены многие страницы воспоминаний. Почти все в семье были «завзятыми западниками», русская культура по сути своей была чужда, относились к ней скорее терпимо, нежели любили и понимали ее (Бенуа, 1993а: 233).

Россия открывалась для Бенуа постепенно. В детстве во время поездок на пикники он видел крестьянских девушек, водивших хоромы, пшеницу, золотившуюся на фоне белоснежной церкви (Бенуа, 1993а: 272). С любовью он описывает балаганы, народные гуляния на Марсовом поле с Петрушками и Арлекинами, которые он успел еще захватить, будучи ребенком, и которые постепенно навсегда исчезли, лишая детей возможности «знакомства с Родиной, приобщаясь к этой форме народного веселья» (Бенуа, 1993а: 296). Детские воспоминания о народной культуре Бенуа воскресит позже в своих прославленных балетах. С болью он писал о разорении Кушелевки, имении графа Кушелева, на месте которого начал строиться Славянский завод. На его глазах «прекрасная старина» уступала «место новому... уродливому», которое распространялось подобно «гангрене» (Бенуа, 1993а: 315). В описании Бенуа слова «прекрасной старины» прослеживается явная аллюзия с «Вишневым садом» А. Чехова.

«Прелесть характерного русского быта» А. Бенуа находит в семействе Философовых, которое представляло именно тот слой, из которого «вышли герои и героини романов Пушкина, Лермонтова, Тургенева и Толстого». «Всякие тонкости русской психологии... созрели именно в этой среде». Благодаря им «стал лучше понимать и любить самую суть русской жизни», через них открыл «русскую душу» (Бенуа, 1993а: 505). «Нечто удивительно характерно русское» увидел он в абсолютно безграмотной, но добродушной Аннушке, которая в качестве няни должна была сопровождать семью за границей (Бенуа, 1993а: 106). Обращая внимание на то, как Аннушка реагирует на увиденное, Бенуа приходит к пониманию, что она олицетворяет собой народ, который не поддавался дубинке Петра I и муштре Аракчеева, с колыбели отрицавший все нерусское и не желавший ничему учиться, поскольку и без того все лучше знает. Бенуа признавался, что интерес к русской культуре в нем проснулся благодаря музыке Чайковского, благодаря которой он прошел путь от неведения, «какого-то даже презрения» к русской культуре до «восторженного поклонения» (Бенуа, 1993а: 600). Восторгаясь творчеством композитора, он неоднократно подчеркивал то колоссальное значение, которое Чайковский имел для русской культуры. Считая себя западником, Бенуа во всех явлениях жизни подмечал проявления чего-либо русского и прислушивался к тому, какие отзвуки это находит в его душе.

Годы обучения Бенуа в гимназии выпали на время господства образовательной системы, введенной графом Д. Толстым, министром народного просвещения. Преподавание было настолько скверным, что гимназисты дружно ненавидели графа (Бенуа, 1993а: 404). Родители вынуждены были перевести сына в гимназию Карла Мая, в которой «не было и тени «казенщины» и в стенах которой он познакомился со своими будущими друзьями (Бенуа, 1993а: 474). Согласно существовавшему обычаю, люди круга Бенуа должны были поступать на государственную службу, а значит получить высшее образование. По свидетельству самого Бенуа, поступление в университет дало ему возможность в большей степени заниматься самообразованием, от которого зачастую было больше толку, чем от лекций. Нравы, царившие в университете, являлись ярким проявлением губительности всей образовательной системы, проводимой Толстым. Степняк-Кравчинский отмечал, что профессора

в университете попадали «под строгий надзор деспотической власти», ректор, назначаемый министром, обладал чрезвычайными полномочиями (Степняк-Кравчинский, 1987: 231). Профессоров разделяли на ставленников правительства и тех, кто сумел отстоять свою независимость. Среди последних Бенуа выделял Н.М. Коркунова, профессора юридического факультета. Будучи убежденным монархистом, он не боялся высказывать свои взгляды перед революционно настроенным студенчеством, утверждая, что для России монархия является оптимальной формой правления. Благодаря талантливым лекциям профессора, взгляды Бенуа начинают складываться в стройную систему, и он осознает себя «консерватором с монархическим уклоном» (Бенуа, 1993а: 632). С этих позиций он рассматривает прошлое и оценивает настоящее. По-новому начинает относиться к политике Александра III: то, что раньше казалось ему возмутительным, теперь находило свое оправдание. Интересно отметить, что Степняк-Кравчинский, являясь революционером, и Бенуа, причисляющий себя к сторонникам монархии, давали одинаково негативную оценку сложившейся в России системе образования.

Патриархальная семья Бенуа отличалась лояльностью по отношению к режиму и ко всем революционным выступлениям «отношение было не только отрицательное, но даже полное известное омерзения» (Бенуа, 1993а: 377). Мать семейства опасалась студентов. Она «была уверена, что по карманам у них разложены бомбы» (Бенуа, 1993а: 378). Это настроение в общественной среде было широко распространено. Само «слово «студент» отождествлялось... с темной, опасной силой, враждебной законам» (Степняк-Кравчинский, 1987: 215).

Как и всю Россию, семью Бенуа потрясла серия террористических актов в конце царствования Александра II. Особа государя для юного Бенуа была священной. Его детское сознание было потрясено, «верхом безобразия» ему казалось то, что «человек, стоявший выше всех на свете, вынужден был удирать как заяц от выстрелов какого-то студенткишки» (Бенуа, 1993а: 378). Покушение Соловьева в 1879 г. оставило след в душе Бенуа на несколько лет. По сути дела, являясь еще ребенком, он испытал чувство унижения за государя и был оскорблен в своих национальных чувствах. Еще одним потрясением для всего российского общества стало убийство императора 1 марта 1881 г. В стране царил ужас после случившегося и «абсолютное осуждение преступников-террористов, тогда как до этого «нигилисты» были «почти в моде» (Бенуа, 1993а: 383). Усилившаяся реакция только усугубила положение. Сам Бенуа был полон сострадания к мукам царя и к невинно убиенным. Домочадцы и прислуга, считая своим долгом проститься с императором, пошли в Зимний дворец и целую ночь пробыли там. Так они выразили свое сочувственное отношение к судьбе императора.

Бенуа неоднократно подчеркивал свою аполитичность, замечая, что у его друзей по «Обществу самообразования» не было желания «вмешиваться в общественную и политическую жизнь». Этому способствовало их «отвращение от всего стадного, модного» и формировало их негативное отношение ко всякой революционности. Напротив, их привлекали некоторые идеи консервативного порядка, у них крепло «тяготение к самому принципу монархического правления» (Бенуа, 1993а: 489). Обращение к творчеству Ф. Достоевского, который становится его кумиром на многие годы, укрепило его веру в правильности своих воззрений. Революционную деятельность он считал преступной и губительной для страны. Придерживаясь монархических взглядов, Бенуа в то же время был далек от предвзятости и давал объективную оценку личности Александра III. Отмечая «ограниченность его интеллекта, примитивность, ...грубость его суждений», неумение подбирать сотрудников, «ограниченный национализм», Бенуа вместе с тем отмечал, что император имел свое мнение, его здравомыслие базировалось на любви к родине, «он был честен, прост и в то же время достаточно бдителен» в отношении интересов России (Бенуа, 1993а: 633). Художник неоднократно лично общался с императором во время его посещения акварельных выставок, отмечая его простоту, непринужденность, отсутствие «позы». По его мнению, это «царствование было чрезвычайно значительным и благотворным. Оно подготовило расцвет русской культуры» (Бенуа, 1993а: 633). Историк А. Корнилов, отмечая реакционный характер политики Александра III, говорит о его самостоятельности в вопросах внешней политики, в проведении которой он имел несомненные заслуги (Корнилов, 2004: 776). Французский историк Ж. Соколофф, характеризуя политику русского императора как консервативную, отмечал его прямолинейность в своих высказываниях, и что он, «обладающий посредственным умом», «обожает свою страну» и «не скрывает своей ненависти к иностранцам» (Соколофф, 2008: 136). Как видим, Бенуа дал достаточно грамотную и объективную оценку правления императора, которая фактически не расходится с мнениями профессиональных историков.

Гражданская позиция Бенуа в полной мере проявилась в его отношении к таким судьбоносным для России событиям, как война с Японией и революция 1905 года. Война для русского общества началась неожиданно. Первоначально все сочувствовали японцам, так как в победе России никто не сомневался. В круге Бенуа даже переживали, что если война перекинется на остров, то исчезнет прекрасное японское искусство, которым друзья тогда увлекались (Бенуа, 1993а: 396). Но по мере поражения русских войск в обществе росло разочарование, усилилось настроение общей тревоги, начали искать виновных в происшедшем, «всё это больно било по национальному самолюбию» (Милюков, 1990: 295). Чувство достоинства русского общества было оскорблено. Никто уже не верил в способность правительства каким-либо образом выправить ситуацию. Общим для всех было мнение,

что существующий строй никуда не годится и пора его менять. Одни считали, что надо сменить правительство при сохранении порядка, другие, что надо менять сам порядок (Бенуа, 1993а: 409). Бенуа признавался, что художники не были озабочены войной. Иногда читали телеграммы о военных действиях, а иногда и этого делать забывали. Кто был моложе, опасался, как бы не попасть на фронт.

Во время трагедии 9-го января 1905 г. Бенуа был в Петербурге. Услышав выстрелы и бросившись на улицу, чтобы выяснить, что происходит, он стал свидетелем событий, которые подробно описал в воспоминаниях. Полиция преследовала участников выступления, одного такого «крамольника», спасаемого от преследования, на квартиру Бенуа привел Е. Лансаре (Бенуа, 1993а: 416). Этот факт говорит о том, что, не участвуя в выступлениях, интеллигенция сочувственно относилась к тем, кто преследовался властями. Это, однако, не помешало семье Бенуа, опасаясь всеобщей забастовки, спешно покинуть Россию. Главной заботой художника на тот момент являлась Таврическая выставка, на которой были представлены портреты всех российских императоров и их сподвижников. Инициатором и организатором выставки был А. Бенуа, и ему необходимо было успеть закончить ее подготовку до отъезда. В своих воспоминаниях Бенуа неоднократно подчеркивает свою аполитичность. Вопросы, связанные с искусством, всегда имели для него приоритетное значение. Но все же приходившие с родины вести волновали художника. Как и все русские, находившиеся в то время в Париже, он надеялся, что манифест 17 октября успокоит Россию и прекратит произвол со стороны властей. В. Поленов также сожалел, что эти реформы были проведены слишком поздно, что «всё это должно было совершиться 28 лет назад. Тогда удалось бы избежать, возможно, и убийства Александра II, бойни на Дальнем Востоке, теперешних диких погромов» (ГАТО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 41. Л. 15). Авантюрой, проявлением легкомыслия Бенуа считал выпады против правительства со стороны своих друзей Мережковских и Философова, которые, опубликовав памфлет против царя и испугавшись наказания, бежали в Париж, организовав там нечто вроде штаба революции (Бенуа, 1993а: 440).

Знакомство с четой Мережковских имело для Бенуа особое значение. Мережковский сразу пленил его своими знаниями, яркой красочной речью и между ними установились самые дружеские отношения. Знакомства эти происходили обыкновенно на вечерах, устраиваемых представителями интеллектуальной элиты. Рассказывая об этих вечерах, Бенуа раскрывает перед читателем характерные черты быта российской интеллигенции. Это был довольно суматошный образ жизни с постоянными зваными и незваными гостями, необходимостью самим кого-либо посещать три раза в неделю и за пустыми разговорами проводить время до глубокой ночи (Бенуа, 1993а: 155). На одном из таких вечеров у Мережковских читал свои стихи Ф. Сологуб и обсуждался труды Ницше, на другом – состоялась встреча с Блоком. Популярен был философ Розанов, который относился с недоверием к христианству, ответы на все вопросы искал в Ветхом Завете. Посещал Бенуа вечерние собрания у Репина, в лице которого находил всегда «самый пламенный отклик на многие тогдашние увлечения» (Бенуа, 1993а: 49). Княгиня М. Тенишева устраивала вечера у себя в «Эрмитаже», на которых Бенуа встречался с Репиным, профессором А. Праховым, К. Победоносцевым (Бенуа, 1993b: 195). В атмосфере неуверенности и тревоги среди интеллигенции все больше распространялись настроения мистицизма. Часто спиритические сеансы с 1884 г. проводились у жены старшего брата Бенуа Марии Карловны. Сам художник стал «верным участником этих радений», которыми заразился от друзей Сомовых. Но, если он со временем отошел от этого, то увлечение Н. Рериха переросло «в нечто как бы профессиональное» (Бенуа, 1993а: 473). По определению Бенуа, «культ всего порочного с примесью всякой мистики» стал характерной чертой конца века (Бенуа, 1993а: 48).

Необходимость содержать семью была для Бенуа одной из причин принять предложение княгини М. Тенишевой, которая обратилась к нему с предложением привести в порядок ее коллекцию акварелей и составить их опись. Для коллекции акварели покупались без какой-либо системы и находились поэтому в полном беспорядке. Княгиня предложила Бенуа средства для поездки в Париж с целью пополнения своей коллекции, выплачивала жалованье в размере 100 рублей в месяц (Бенуа, 1993а: 104). В ходе работы у художника появилась мечта основать в Петербурге музей общеевропейского значения, а «поверхностно образованную» княгиню превратить в серьезную меценатку, нечто вроде Третьякова, который пользовался у Бенуа огромным авторитетом (Бенуа, 1993а: 184). Художник был безмерно рад, когда на академической выставке меценат купил одну из его картин (Бенуа, 1993а: 77). Но мечтам не суждено было сбыться. Однако Бенуа полностью признавал заслуги Тенишевой в создании журнала «Мир искусства». Княгиню поддержал С. Мамонтов, взявший половину расходов по субсидированию журнала на себя. В 1898 г. М. Тенишева и С. Мамонтов получили свидетельство о праве издавать журнал (РГАЛИ. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1151. Л. 14).

Первый номер «Мира искусства» вышел в 1898 г. Просвещенное русское общество в это время было занято поисками смысла бытия и духовного обновления. Отвечая запросам времени, усилиями Д. Философова в журнале был создан религиозно-философский отдел, для работы в котором были привлечены Мережковские. Но из стремления художников сделать журнал популярным и серьезным ничего не вышло. За ним прочно укрепилась репутация рассадника декадентства. Дело в том, что журнал выступал как поборник «чистого искусства», против всякой идейности и «общественного служения», он не имел какого-либо определенного направления (Бенуа, 1993а: 181). Мирискусниками двигало и вдохновляло их на деятельность стремление послужить родине. Главным средством

осуществления этой задачи они считали объединение русского и общеевропейского искусства путем создания совместных выставок (Бенуа, 1993b: 186). Именно с этой целью в 1898 г. мирискусники организовали выставку русских и финляндских художников. Однако творчество художников, участвовавших в выставке, оказалось чуждым публике. На выставку ходили иногда только для того, чтобы посмеяться. Больше всего возмущал Врубель. Досталось и Дягилеву как организатору выставки. И. Репин, который раньше лояльно относился к молодым художникам, теперь критиковал отступление К. Сомова от реализма, что говорило, по мнению Бенуа, о непонимании им новых течений в искусстве и «отвержении всего нашего декадентства» (Бенуа, 1993a: 85). Не теории и принципы, а служение красоте объединяло художников вокруг «Мира искусства». Идея красоты для них была священна, и они беззаветно служили ей, несмотря на протесты публики. Влюбленные в красоту, они придавали ей какое-то мистическое значение. Красота для них являлась сутью искусства. По их убеждению, человек должен и имел право «жить в красоте». Веру в спасительную силу красоты разделяла и провинциальная интеллигенция. Сибирский историк А. Яворский, анализируя художественную жизнь Красноярска, писал: «Интеллигентская черта воздыханий о красоте была свойственна вообще началу века, но для Д. Каратанова и его компании она прошла белым по черному» (ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 356. Л. 82). Идеей о красоте как спасительнице мира Каратанов проникся, вероятно, в Петербурге, когда работал над созданием задника для оперы А. Серова «Вражья сила», который одобрил В. Серов (ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 112. Л. 1).

Среди русских художников мирискусники выделяли молодых передвижников, искусство которых было освобождено от «направленности», за которую так ратовал В.В. Стасов (Бенуа, 1993a: 87). С В. Серовым у Бенуа завязалась самая тесная дружба. М. Нестеров пленил его своей искренностью, Бенуа находил в нем созвучие с творчеством своего кумира, Ф. Достоевского (Бенуа, 1993a: 92), и поэтому защищал его от нападков публики. Нестеров в свою очередь писал, что Бенуа к его картинам подошел «умно, все до конца понял» (Нестеров, 1986: 447). Сложно складывались отношения Бенуа с В. Васнецовым, от которого его «отталкивало своей фальшью все то, что последний создал для церкви» (Бенуа, 1993a: 91). Признавая талант Васнецова, его церковное творчество художник считал напыщенным и неестественным. Бенуа отмечал «духовное оскудение, которым уже давно болеет не только Россия, но и весь мир». «Ложь убийственная и кошмарная всей нашей духовной культуры» усматривалась им в фальшивых росписях Владимирского собора. И это, по мнению Бенуа, не личная ложь В. Васнецова, это – отражение духа времени (Бенуа, 1993b: 273). Печальнее всего для Бенуа было то, что эти росписи вызвали всеобщее поклонение и почитание. Особенностью своего творчества Бенуа считал тягу к прошлому, к которому у него было «отношение более нежное, более любовное, нежели к настоящему» и которое сочеталось с определенным его влечением к реализму (Бенуа, 1993a: 182). Верность этого высказывания художника подтверждается и тематикой его картин.

Во всем, что касалось искусства, Бенуа не шел ни на какие компромиссы, руководствуясь при этом лишь своим пониманием и чувствами. Относясь с особым пиететом к творчеству Л.Н. Толстого, он, однако, не был согласен с воззрениями писателя в области искусства. Бенуа уклонился от встречи с Толстым, так как его озадачивал предстоящий разговор с писателем. Художник задавался вопросом: что, если «я вынужден буду выслушивать ту (с моей точки зрения) дикую ересь, которую он изложил в своей книге об искусстве?» (Бенуа, 1993a: 403). Спорить же с великим писателем ему не представлялось возможным, и беседа тогда вряд ли могла носить непринужденный характер.

После возвращения в мае 1907 г. из Парижа Бенуа полностью захватило театральное искусство, характерной чертой которого становился поиск новых форм художественной выразительности. Поиски эти были связаны, прежде всего, с В. Мейерхольдом, имя которого было очень популярно и постановки которого имели успех у публики. Однако его стремление создать условный театр не всегда находило сочувствие у профессионалов. Режиссер театра Корша А. Загаров считал, что театр должен показывать «не отражение жизни, а саму жизнь на сцене» (ЦГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 3457). С этим был согласен Бенуа. Его знакомство с Мейерхольдом не привело к каким-либо совместным творческим начинаниям. По мнению Бенуа, взывая о том, что необходимо родить нечто новое и тем самым поразить всех, Мейерхольд изменял гармонии и эстетике (Бенуа, 1993a: 475). И это привело драматический театр «к весьма печальному кризису», но художник верил в то, что эта «ересь как будто начинает себя изживать» (Бенуа, 1993a: 534). Он считал, что характер подлинности искусству придает искренность и тогда рождается красота, а когда это подменяется желанием поразить, то рождается подделка или уродство. Именно в этом выразилась суть художественного кредо Бенуа и его непримиримость к сценическим экспериментам Мейерхольда.

Поистине беспрецедентным явлением в культурной жизни как России, так и Европы стали «Русские сезоны» в Париже, заслуга в организации которых принадлежит, прежде всего, самому А. Бенуа и С. Дягилеву. Называя Сергея Дягилева своим другом, с которым у него складывались не всегда простые отношения, Бенуа признавал, что без кипучей деятельности Дягилева, его колоссальной энергии и организаторских способностей, идея сезонов вряд ли могла реализоваться. Сам Бенуа считал «Русские сезоны» в Париже результатом «страстной любви ко всему тому, в чем мы выросли и чем были напитаны», хотя патриотами себя не считали (Бенуа, 1993a: 448). Неоднократно подчеркивая, что он западник и что для него нет лучшего города, чем Париж, Бенуа не

без гордости писал о том, что «Русские сезоны» начали новую эру в западном театральном искусстве, что «русские варвары и скифы» привезли все самое лучшее, что было создано на данный момент в искусстве. Бенуа с сожалением пишет о том, что «понадобился опыт многих лет», чтобы понять, «до чего сердечно и душевно мы связаны с родиной и до чего трудно, а то и просто невозможно нам, русским, вполне приобщиться к жизни на чужбине» (Бенуа, 1993а: 105). Александр Бенуа, у которого меньше всего было именно русской крови и который первоначально даже гордился этим, теперь признавал себя русским и с воодушевлением пропагандировал русское искусство. Этот факт является еще одним свидетельством огромной духовной составляющей русской культуры, способной влиять на нравственно-интеллектуальное преобразование личности.

5. Заключение

Рубеж XIX–XX вв. в русской культуре характеризуется многими противоречивыми явлениями, понять и осмыслить которые возможно, только проанализировав социально-культурное развитие страны в целом. Предчувствие грядущих перемен, осознание необходимости ломки всего старого уклада толкало интеллигенцию на поиск новых жизненных смыслов. Ответы на поставленные жизнью вопросы, по ее мнению, могло и должно дать искусство. Воспоминания Александра Бенуа, рассмотренные в данном контексте, являются для исследователей эпохи бесценным первоисточником, дающим представление об идейно-эстетической борьбе и социальных конфликтах в России рассматриваемой эпохи.

Семейный уклад, носивший патриархальный характер, оказал влияние на формирование у будущего художника жизненных ценностей, предопределил его отношение к окружающей жизни. В семье, свободно говорившей на русском, немецком, французском языках, в отношении русской культуры просматривалась определенная доля пренебрежения. Этим, вероятно, и было вызвано со стороны Бенуа первоначальное непонимание и неприятие всего русского. Его отношение к России и ее культуре менялось постепенно. Определенную роль здесь сыграли его встречи с простым народом, которые хотя и не носили постоянного характера, но оставили значительный след в его сознании. Знакомство с творчеством деятелей русской культуры в области музыки, живописи, театра послужило признанием того огромного вклада, который они внесли в отечественную и мировую культуру. И это также способствовало тому, что Бенуа не только изменил свое отношение к русской культуре, но и признал себя ее неотъемлемой частью. Традиции семейного уклада, отдельные талантливые преподаватели способствовали формированию политической ориентации Бенуа, которая предопределила его гражданскую позицию. Неоднократно подчеркивая свою аполитичность, он, однако, заявлял о своей приверженности монархическим консервативным взглядам. Личное знакомство с императорской семьей не мешало ему быть непредвзятым и объективно оценивать как недостатки, так и достоинства правления Александра III. Истинность заявления Бенуа о том, что в своих воспоминаниях он постарается быть максимально правдивым, подтверждается сравнением их с мнением мемуаристов и профессиональных историков, которые в своей общей оценке совпадают. Характеристика быта интеллигенции рубежа веков, данная Бенуа, позволяет составить представление о том, чем жила интеллигенция, как проводила свой досуг, каким образом реагировала на те или иные общественные события и жизненные явления. Значимой вехой в творческой деятельности Бенуа стало создание им совместно с Дягилевым общества и журнала «Мир искусства» и организация «русских сезонов» в Париже. Освещая эти событийные моменты своей жизни, Бенуа обосновывал свои эстетические взгляды и убеждения, которыми он не поступался, невзирая ни на какие авторитеты.

Таким образом, воспоминания Александра Бенуа, творческая деятельность которого постоянно находилась в центре общественной жизни страны, определяя в значительной степени культурное развитие целой эпохи, могут рассматриваться как социокультурное явление, представляя для исследователей и читателей особый интерес.

Литература

- Бенуа, 1993а – Бенуа А.Н. Мои воспоминания. В 5 кн. Т. 1. М., 1993. 711 с.
 Бенуа, 1993б – Бенуа А.Н. Мои воспоминания. В 5 кн. Т. 2. М., 1993. 743 с.
 Бенуа, 1998 – Бенуа А.Н. История русской живописи в XIX веке. М., 1998. 448 с.
 Время Дягилева, 1993 – Время Дягилева. Универсалии серебряного века / Третьи Дягилевские чтения. Мат.-лы. Вып. 1. Пермь, 1993. 262 с.
 ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
 Галькова, 2020 – Галькова А.В. Мистический Петербург в «Моих воспоминаниях» А.Н. Бенуа // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 5-13.
 ГАТО – Государственный архив Томской области.
 Гиппиус. Исследования, 2002 – Зинаида Николаевна Гиппиус. Новые материалы. Исследования. М., 2002. 383 с.
 Иванов, 1905 – Иванов В. Пути и цели современного искусства // Золотое руно. 1905. № 5. С. 50.
 Копшицер, 1972 – Копшицер М.И. Савва Мамонов. М., 1972. 253 с.
 Корнилов, 2004 – Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 2004. 862 с.

- Лопухина, 2003 – Лопухина Е.М. Самые знаменитые меценаты России. М., 2003. 384 с.
- Мельник, 2021 – Мельник Н.В. Журнал «Золотое руно» (1906–1909) как отражение художественной жизни России начала XX в. // *Вестник НГУ. Серия «История, филология»*. 2021. Т. 20. № 6. С. 62-73.
- Милюков, 1990 – Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. (1859–1917). М., 1990. 446 с.
- Нестеров, 1986 – Нестеров М.В. Давние дни. Уфа, 1986. 560 с.
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.
- РХК, 1980 – Русская художественная культура конца XIX – начала XX века (1908–1917). Кн. 4. М., 1980. 495 с.
- Соколофф, 2008 – Соколофф Ж. Бедная держава. История России с 1815 года до наших дней / Пер. с фр. 2-е изд. М., 2008. 882 с.
- Степняк-Кравчинский, 1987 – Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения. Т. 1. М., 1987. 575 с.
- Стернин, 1984 – Стернин Г.Ю. Русская художественная культура второй половины XIX – начала XX века. М., 1984. 296 с.
- Тастевен, 1907 – Тастевен Г.Э. Нищие и современный кризис // *Золотое руно*. 1907. № 7–9. С. 110-115.
- Философов, 1901 – Философов Д. Иванов и Васнецов в оценке Александра Бенуа // *Мир искусства*. 1901. № 10. С. 218.
- Хоскинг, 2003 – Хоскинг Д. Россия и русские. Кн. 1. М., 2003. 495 с.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 38(4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2017 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Gaydin, S.T. et al. (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes // *Bylye Gody*. 45(3): 811-820.
- Gryaznukhin et al., 2020 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Belgorodskaya, L.V. et al. (2020). Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century // *Bylye Gody*. 57(3): 1132-1141.
- Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina L.F. et al. (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy // *Bylye Gody*. 16(2): 652-660.

References

- Benua, 1993a – Benua, A.N. (1993). Moi vospominaniya. V 5 kn. T. 1. [My memories. In 5 books. Vol. 1]. Moscow. 711 p. [in Russian]
- Benua, 1993b – Benua, A.N. (1993). Moi vospominaniya. V 5 kn. T. 2. [My memories. In 5 books. Vol. 2]. Moscow. 743 p. [in Russian]
- Benua, 1998 – Benua, A.N. (1998). Istoriya russkoj zhivopisi v XIX veke. [The history of Russian painting in the XIX century]. Moscow. 448 p. [in Russian]
- Filosofov, 1901 – Filosofov, D. (1901). Ivanov i Vasnetsov v ocenke Aleksandra Benua [Ivanov and Vasnetsov in the assessment of Alexander Benois]. *Mir iskusstva*. 10: 218. [in Russian]
- ГАКК – Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja [The State Archive of the Krasnoyarsk Territory].
- Gal'kova, 2020 – Gal'kova, A.V. (2020). Misticheskij Peterburg v «Moih vospominaniyah» A.N. Benua [Mystical Petersburg in "My Memories" by A.N. Benois]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 450: 5-13. [in Russian]
- ГАТО – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [State Archive of the Tomsk Region].
- Gippius. Issledovaniya, 2002 – Zinaida Nikolaevna Gippius. Novye materialy. Issledovaniya [Zinaida Nikolaevna Gippius. New materials. Researches]. Moscow. 2002. 383 p. [in Russian]
- Gryaznukhin et al., 2020 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Belgorodskaya, L.V. et al. (2020). Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century. *Bylye Gody*. 57(3): 1132-1141.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V. (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2017 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Gaydin, S.T. et al. (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes. *Bylye Gody*. 45(3): 811-820.
- Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina L.F., et al. (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy. *Bylye Gody*. 16(2): 652-660.
- Hosking, 2003 – Hosking, D. (2003). Rossiya i russkie. Kn. 1 [Russia and the Russians. Book 1]. Moscow. 495 p. [in Russian]
- Ivanov, 1905 – Ivanov, V. (1905). Puti i celi sovremennogo iskusstva [Ways and goals of contemporary art]. *Zolotoe Runo*. 5: 50. [in Russian]
- Kopshicer, 1972 – Kopshicer, M.I. (1972). Savva Mamontov [Savva Mamontov]. Moscow. 253 p. [in Russian]

- Kornilov, 2004** – Kornilov, A.A. (2004). Kurs istorii Rossii XIX veka [The course of the history of Russia of the XIX century]. Moscow. 862 p. [in Russian]
- Lopuhina, 2003** – Lopuhina, E.M. (2003). Samye znamenitye mecenyaty Rossii [The most famous patrons of Russia]. Moscow. 384 p. [in Russian]
- Mel'nik, 2021** – Mel'nik, N.V. (2021). Zhurnal «Zolotoe runo» (1906 – 1909) kak otrazhenie hudozhestvennoj zhizni Rossii nachala XX v. [The Golden Fleece magazine (1906 – 1909) as a reflection of the Artistic life of Russia at the beginning of the XX century]. *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologiya*. 20(6): 62-73. [in Russian]
- Milyukov, 1990** – Milyukov, P.N. (1990). Vospominaniya. T. 1. (1859–1917) [Memories. V. 1 (1859–1917)]. Moscow. 446 p. [in Russian]
- Nesterov, 1986** – Nesterov, M.V. (1986). Davnie dni [The old days]. Ufa. 560 p. [in Russian]
- RGALI** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva [Russian State Archive of Literature and Art].
- RHK, 1980** – Russkaya hudozhestvennaya kul'tura konca XIX – nachala XX veka (1908 – 1917). Kn. 4 [Russian art culture of the late XIX – early XX century (1908 – 1917). Book 4]. Moscow. 1980. 495 p. [in Russian]
- Sokoloff, 2008** – Sokoloff, Zh. (2008). Bednaya derzhava. Istorija Rossii s 1815 goda do nashih dnei. Per. s fr. 2-e izd. [Poor power. The History of Russia from 1815 to the present day. Trans. from fr. 2nd ed.]. Moscow. 882 p. [in Russian]
- Stepnyak-Kravchinskij, 1987** – Stepnyak-Kravchinskij S.M. (1987). Sochineniya. T.1 [Essays. Vol. 1]. Moscow. 575 p. [in Russian]
- Sternin, 1984** – Sternin, G.Yu. (1984). Russkaya hudozhestvennaya kul'tura vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [Russian art culture of the second half of the XIX – early XX century]. Moscow. 296 p. [in Russian]
- Tasteven, 1907** – Tasteven, G.E. (1907). Nicshe i sovremennyj krizis [Nietzsche and the modern crisis]. *Zolotoe Runo*. 7-9: 110-115. [in Russian]
- Vremya Dyagileva, 1993** – Vremya Dyagileva. Universalii serebryanogo veka. Tret'i Dyagilevskie chteniya. Mat-ly. Vyp. 1 [Diaghilev's time. Universals of the Silver Age. The third Diaghilev readings. Materials. Issue 1]. Perm'. 1993. 262 p. [in Russian]

Воспоминания А.Н. Бенуа в контексте поиска национальной идентичности интеллигенцией Серебряного века

Татьяна Владимировна Грязнухина ^а, Александр Григорьевич Грязнухин ^{а, *},
Денис Николаевич Гергилев ^а, Анна Павловна Дворецкая ^а

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье анализируется отражение идейно-эстетической борьбы и социально-культурной жизни России рубежа XIX–XX вв. в воспоминаниях А.Н. Бенуа. Расширены рамки традиционных исследований мемуаров деятелей Серебряного века как источников о культурных достижениях эпохи. Рассмотрены факторы, оказавшие влияние на развитие мировоззренческой позиции Бенуа, его политические убеждения, сыгравшие значительную роль в определении его гражданской позиции по отношению к тем или иным явлениям общественной жизни. К таким факторам, прежде всего, можно отнести патриархальный уклад семьи, отличавшейся богатыми культурными традициями, годы учебы в гимназии Карла Мая, в которой он познакомился со своими будущими друзьями по творческой деятельности, встречи на лекциях с профессором Н. Коркуновым, знакомство с шедеврами русского искусства. Эволюция национальной идентичности А. Бенуа развивалась от частичного пренебрежения через знакомство с великими творческими достижениями к восхищению и прославлению русской культуры, в частности с помощью организации «Русских сезонов» в Париже. Анализ творческой деятельности художника дает возможность выявить его эстетические воззрения, которые предопределили его взаимоотношения с творческой элитой и меценатами. Проведенный сравнительный анализ воспоминаний Бенуа с трудами профессиональных историков и мемуаристов показывает их объективность и адекватное понимание автором сложившейся в стране общественно-политической ситуации.

Ключевые слова: А.Н. Бенуа, национальная идентичность, Серебряный век, искусство, воспоминания, творческая интеллигенция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), turilak@yandex.ru (Д.Н. Гергилев), advoreckaya@mail.ru (А.П. Дворецкая)